

какъ можно больше образовательныхъ средствъ; все, что можно, возьметъ она изъ окружающей жизни, чтобы усилить свое воспитывающее значеніе.

При школахъ будутъ устраиваться по праздникамъ игры, прогулки, экскурсіи, чтенія съ волшебнымъ фонаремъ, литературныя бесѣды, лекціи и проч. Въ такія школы будутъ ходить не только дѣти, но съ радостью придутъ и родители по-смотреть, какъ ихъ дѣти, съ разгорѣвшимися глазами, участвуютъ въ играхъ, или въ бесѣдахъ. Школы въ деревняхъ вызовутъ потребность въ библіотечкахъ, которыми будутъ пользоваться не только ребята, но и кончившіе школу, и, вообще, грамотные крестьяне. Время отъ времени, умѣлый и способный учитель устроить при школѣ чтенія, поучительныя и полезныя и для взрослыхъ.

Школа, такимъ образомъ, станетъ и въ городѣ, и въ деревнѣ источникомъ истиннаго просвѣщенія.

Учитель и учительница.

Что такое учитель?—Наиболѣе распространенные типы учителя средней школы.—Типъ учителя-чиновника.—Причины, породившія этотъ типъ.—Чѣмъ объяснить отсутствіе интересовъ у большинства учителей.—Типъ учителя-промышленника.—Служебное и матеріальное положеніе учителя средней школы.—Отсутствіе надлежащей связи средней школы съ обществомъ и слѣдствіе этого.

Что такое учитель? Если посмотрѣть на этотъ вопросъ съ идеальной точки зрѣнія, то надо отвѣтить такъ: учитель—это лицо, посвящающее свои труды одному изъ самыхъ высокихъ и благородныхъ дѣлъ — развитію духовныхъ силъ подрастающихъ поколѣній, руководству ихъ на пути къ истинѣ, возбужденію въ нихъ жажды къ ней и утоленію ея живыми и плодотворными знаніями, добытыми наукою. Посмотрѣвъ на тотъ же вопросъ съ реальной стороны и руководясь лишь наблюденіями надъ дѣйствительностью, напр., въ большихъ городахъ, придется сказать: учитель за немногими исключеніями, представляетъ два господствующіе типа, — это или чиновникъ, болѣе или менѣе

аккуратно исполняющій свои служебныя обязанности, имѣя въ виду интересы службы,—или промышленникъ, работающій ради денежныхъ выгодъ, при чемъ трудъ и въ первомъ, и во второмъ случаѣ направленъ къ одной и той же цѣли — выучкѣ учащихся, снабженію ихъ навыками и свѣдѣніями, точно опредѣленными въ указанныхъ программахъ и учебникахъ, и все это для полученія извѣстныхъ правъ учебныхъ, или служебныхъ.

Дѣйствительность такъ разошлась съ идеаломъ, что не только учителю-чиновнику или учителю-промышленнику, но, пожалуй, даже и юношѣ, кончающему въ наше время курсъ заведенія, выраженія «стремленіе къ истинѣ», «жажда знаній» покажутся только забавными и наивными словами; а, между тѣмъ, въ нихъ—въ этихъ именно словахъ заключается то, что составляетъ сущность, живую силу, душу настоящаго образованія.

Чѣмъ объяснить, что истинныя, идеальныя задачи образованія такъ затерлись дѣйствительностью, что почти утратили настоящій свой смыслъ, обратились въ глазахъ практическихъ людей въ пустыя слова? Чѣмъ объяснить, что образованіе снизошло на простую учебу ради правъ, по болѣе части, мало имѣющихъ отношенія къ истинному образованію, а наставникъ, или учитель обратился въ зауряднаго чиновника, или промышленника? Причинъ этихъ печальныхъ явленій, конечно, много. Мы остановимся лишь на главнѣйшихъ. Прежде всего, въ самомъ обществѣ нашемъ, даже въ болѣе интеллигентномъ слоѣ его, не очень то цѣнятся настоящее образованіе: значительное большинство родителей, помѣщая своихъ дѣтей въ школы, прежде всего думаетъ о томъ, какъ бы устроить обученіе ихъ подешевле и притомъ такъ, чтобы учились они поменьше, а правъ получили побольше. Права прежде всего! О нихъ особенно заботятся родители; о нихъ думаютъ подростки—школьники; о нихъ, главнымъ образомъ, хлопочутъ устроители частныхъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Образованіе какъ будто есть лишь своего рода повинность, которую нужно отбыть для полученія возжелѣнныхъ правъ, въ которыхъ вся сила. Если бы нашелся чудакъ-идеалистъ, который попробовалъ бы устроить общеобразовательную школу безъ всякихъ правъ, задавшись лишь цѣлью образцово поставить учебно-воспитательное дѣло, то онъ сильно

рисковалъ бы остаться безъ учениковъ. Наше общество, въ средѣ котораго еще сравнительно мало истинно-образованныхъ людей, не можетъ иначе смотрѣть на школу, оно еще и не доросло до надлежащаго пониманія истиннаго образованія и его цѣны. Притомъ еще со временъ Петра Великаго установилась у насъ покровительственная система правительства по отношенію къ школѣ, привлекающая къ ней правами и чинами. Система эта въ теченіе многихъ поколѣній, мало-по-малу, вошла, что называется, въ плоть и кровь общества, и въ его сознаніи понятіе «школьное обученіе» срослось съ понятіемъ «служебныя права». Но разъ правительство даетъ извѣстныя права оканчивающимъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ, оно, естественно, должно зорко наблюдать за ходомъ дѣла въ нихъ и результатами обученія, — и потому школа является преимущественно правительственною, да и частныя училища, стремясь къ полученію правъ, должны устраиваться по образцу правительственныхъ. Вполнѣ понятно также, что правительство, въ видахъ болѣе удобнаго управленія училищами и надзора за ними, стремится свести ихъ, по возможности, къ меньшему числу типовъ, придать имъ какъ можно болѣе опредѣленности и устойчивости, — отсюда ведутъ начало строго опредѣленные уставы, штаты, инструкціи, обязательныя учебныя планы и учебники. Все это, конечно, придаетъ училищамъ болѣе устойчивости, однообразія, внѣшней стройности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, надо признаться, мертвитъ дѣло обученія и воспитанія. Школа должна быть живымъ общественнымъ организмомъ и, какъ все живое, видоизмѣняться и развиваться въ связи съ развитіемъ знанія и общественныхъ потребностей. Всякая опредѣленная форма, извнѣ данная, только мѣшаетъ организму правильно развиваться, — для него та форма хороша, которая естественно и свободно развивается изнутри, его собственными силами. Всякій учитель, воодушевленный самыми лучшими побужденіями, чувствующій даже призваніе къ педагогическому дѣлу, поступивъ въ школу, долженъ неизбѣжно скоро охладѣть къ своей профессіи. Учитель не только не имѣетъ инициативы въ той или иной постановкѣ преподаванія, и не только не требуетъ, чтобы онъ вносилъ въ него нѣчто цѣнное *свое*, но это ему даже возбраняется; ему дана обязательная и обстоятельная до ме-

лочей программа съ инструкціей, гдѣ не только указанъ духъ, или характеръ преподаванія, но рекомендованы и самыя приемы его, даже указанъ и учебникъ. Мало того, строго опредѣлено, сколько и въ какое время пройти, какъ аттестовать учащихся и проч. Преподаватель сразу чувствуетъ, что онъ не хозяинъ своего дѣла, а работникъ, исполняющій заданную ему работу, даже не своими, а указанными ему способами, т. е. совершающій именно то, что дѣлаетъ чиновникъ, притомъ изъ мелкихъ, въ любой канцеляріи. Всякихъ требованій и предписаній столько, что ихъ нелегко все и исполнить. Главное дѣло для учителя — это вѣчно памятовать, чего онъ не долженъ дѣлать, а гдѣ ужъ тутъ ему думать еще объ ученикахъ, о какихъ-нибудь новыхъ и лучшихъ способахъ преподаванія. Чиновники и ревизоры, которымъ поручается надзоръ за ходомъ обученія, интересуются, прежде всего наблюденіемъ, вполнѣ ли соблюдаются уставы, инструкции и программы и проч. — въ этомъ и прямая обязанность ихъ. Они, по бѣльшей части еще болѣе расхолаживаютъ учителей своею перѣдко мелочной требовательностью. Мудрено ли послѣ всего сказаннаго, что учителя, мало-по-малу, втягиваются въ указанные имъ рамки, обращаются въ настоящихъ чиновниковъ, болѣе или менѣе, усердно исполняющихъ свою учительскую повинность? Учебникъ данъ, приемы указаны, — остается только заставить учащихся усвоить его, чтобы сдать на экзаменъ — вотъ и все, чего требуетъ служба. Внесеніе же чего-либо своего, сверхъ учебника, или употребленіе какого-либо новаго приема, кто знаетъ, можетъ быть, причинить только одни неудовольствія. Между тѣмъ, учительство да и, вообще, педагогическое дѣло, по существу своему, дѣло живое, требующее души, увлеченія; дѣло это не простая служба, или работа, а искусство и при томъ искусство, имѣющее своимъ объектомъ не мертвый матеріалъ, а живыхъ людей, и должно непременно имѣть просторъ для свободнаго развитія, которое должно всячески поддерживаться и поощряться; слишкомъ строгая и мелочная регламентація тутъ является лишь тормазомъ, могущимъ не только задержать ходъ дѣла, но даже и вовсе остановить его.

Вотъ, чѣмъ болѣе всего и объясняется превращеніе учителя въ зауряднаго чиновника. Съ этой ролью педагоги понемногу

и свыкаются. Мало даровитымъ людямъ она даже приходится и по вкусу; такіе болѣе и болѣе занимають учительскія должности, и типъ учителя-чиновника въ среднеучебныхъ заведеніяхъ становится господствующимъ, и потому со стороны учителей рѣдко замѣчается какое-либо стремленіе поднять свою профессию на большую высоту. А чѣмъ болѣе понижается уровень учителей въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, тѣмъ болѣе приходится заботиться объ усиленіи надзора за ними, о надлежащемъ направленіи ихъ дѣятельности, о томъ, чтобы подробныя программы и учебники гарантировали учебное дѣло. Такимъ образомъ, излишняя регламентація, лишая учителей самостоятельности, понижаетъ ихъ, обращая ихъ дѣло изъ искусства въ ремесло по опредѣленному шаблону; и учителя, сошедшіе на степень простыхъ исполнителей, ремесленниковъ, вызываютъ необходимость особенно тщательнаго надзора за собой и опеки; такъ что даже трудно рѣшить, излишняя ли правительственная регламентація понизила умственный и нравственный уровень учителей, или этотъ невысокій уровень сдѣлать необходимо эту регламентацію.

Во всякомъ случаѣ опека правительства надъ школою вполне объяснима и имѣетъ свой *raison d'être*. Но чего уже никакъ нельзя понять, и никакими способами оправдать — это равнодушнаго и отчасти даже высокомернаго отношенія у насъ ученаго сословія къ средней школѣ. Казалось бы, университеты и другія высшія заведенія, куда поступаютъ окончившіе курсъ въ средней школѣ, должны быть очень заинтересованы тѣмъ, чтобы она была поставлена, какъ слѣдуетъ, и подготовляла бы студентовъ любознательныхъ, способныхъ къ умственному труду, интересующихся знаніемъ. Что же оказывается на дѣлѣ? Можно по пальцамъ перечестъ нѣсколько статей, два-три заявленія относительно постановки учебного дѣла въ общеобразовательной школѣ, которыя исходятъ отъ представителей науки. Но этого мало. Мы не знаемъ ни одного заявленія со стороны университетскихъ дѣятелей о необходимости, такъ или иначе, знакомить студентовъ, даже тѣхъ, которые прямо предназначаютъ себя къ преподавательской дѣятельности, со взглядами выдающихся мыслителей на педагогическіе

вопросы, съ системами воспитанія и образованія, которыя являются часто прямымъ результатомъ развитія философскихъ трудовъ и умственныхъ движеній. Все это, видите ли, еще не наука,—все это еще слишкомъ свѣжо, отъ всего этого тлѣномъ еще не пахнетъ, и потому здѣсь нѣтъ настоящаго объекта науки ¹⁾).

И вотъ молодой человѣкъ, только что кончившій университетскій курсъ, является учителемъ въ гимназію. Въ университетѣ онъ ни отъ кого не слыхалъ, что учить дѣтей или подростковъ—дѣло не легкое; что это искусство и притомъ искусство немаловажное; что къ нему нельзя приступать, спустя рукава; что надъ нимъ, надъ его задачами и средствами, не мало ломали головы серьезные мыслители. Юноша-учитель, руководясь пословицами: «смѣлымъ Богъ владѣть» и «не боги же горшки обжигаютъ», принимается за свое дѣло по большей части рѣшительно и просто. Директоръ или инспекторъ вручить ему программу, укажетъ учебникъ, скажетъ, какъ аттестовать учащихся, прибавить, пожалуй, нѣсколько замѣчаній о дисциплинарныхъ мѣропріятіяхъ, и дѣло сдѣлано: «Иди съ Богомъ въ классъ и орудуй, какъ Богъ на душу положить».

Преподаватель-новичекъ осматривается среди новыхъ товарищей по работѣ и тутъ видитъ, что всѣ, особенно же старые, опытные преподаватели очень просто смотрятъ на свое дѣло,—даже не любятъ и разговаривать о своихъ классныхъ занятіяхъ; заговаривать развѣ тогда, когда случится какой-нибудь любопытный казусъ на урокъ... Да и о чемъ тутъ въ самомъ дѣлѣ разговаривать? Вѣдь все указано, и сколько, и какъ, и учебникъ рекомендованъ; надо, чтобы знали его къ экзамену—вотъ и все тутъ. При этихъ условіяхъ надо быть исключительной натурой, чтобы не втянуться въ общую рутину... Рѣдкій изъ преподавателей послѣ пяти-шести лѣтъ учительской практики, т. е. хожденія на уроки по звонку, безконечнаго повторенія одного и того же по учебнику, спрашиванія, выставки отгѣтокъ, не за-

¹⁾ При германскихъ университетахъ существуетъ кафедра педагогики, а при университетѣ въ Гейѣ есть даже учительская семинарія съ образцовой школой для студентовъ, желающихъ посвятить себя учительской дѣятельности. Впрочемъ, и у насъ недавно возникла педагогическая Академія для лицъ, получившихъ высшее образованіе.

скучается и не начнет сѣтовать на свою судьбу, на то, чѣто взялся за такое «пустое» дѣло, какъ педагогическое. И дѣйствительно, оно для него и пусто, и безмысленно; оно кажется ему вѣчнымъ повтореніемъ одного и того же, потому что, какъ это ни странно, для него не существуютъ ученики, какъ живые люди; они для него особенныя отвлеченныя существа, обязанныя учить уроки, отвѣчать ихъ и получать за отвѣты надлежащія отмѣтки.

Въ самомъ дѣлѣ, не удивительно ли, что большинство учителей положительно не видятъ въ своихъ ученикахъ живыхъ людей? Многіе ли изъ преподавателей, войдя въ классъ, думаютъ о томъ, что предъ ними 30 или 40 человѣческихъ существъ, размышляющихъ, чувствующихъ, будущихъ самостоятельныхъ дѣятелей, отцовъ семействъ? (Признаться, подъ вліяніемъ обычной снотворной учебы ученики порою мало и напоминаютъ живыхъ людей). Многіе ли изъ преподавателей интересуются тѣмъ, что дѣлается въ душахъ этихъ 30 человѣческихъ существъ, какъ укладываются въ ихъ умахъ уроки, какіе выводы изъ нихъ дѣлаются, приносятъ ли они пользу имъ или нѣтъ?

Если бы учитель обо всемъ этомъ думалъ, то могъ ли онъ считать свое дѣло маловажнымъ? Могли ли бы придти ему мысли о скукѣ? Не подумалъ ли бы онъ скорѣе о томъ, что въ его предметѣ особенно цѣнно для учениковъ, надъ чѣмъ слѣдовало бы ихъ побудить особенно задуматься, какъ это сдѣлать, чтобы они дѣйствительно серьезно подумали о томъ, о чемъ надо; чтобы они почувствовали всю силу и значеніе той или другой истины или мысли? Кажется, все это ужасно просто; кажется даже, что это не болѣе, какъ азбучныя истины, а вотъ, подите-же, забываются онѣ да и все тутъ. Если бы ихъ постоянно помнили, то было бы болѣе настоящихъ, «не скучающихъ» учителей!

Не только ученики являются для большинства учителей какими-то отвлеченными, безличными величинами, «образами безъ лицъ», но и самыя заведенія кажутся неопредѣленными учрежденіями: это лишь зданія, гдѣ въ извѣстныхъ комнатахъ они, преподаватели, въ опредѣленные часы даютъ уроки. Въ большихъ городахъ учителя нерѣдко занимаются въ трехъ-четырехъ, а иногда и въ пяти школахъ—въ каждой по 6, по 8 уроковъ въ недѣлю. Для подобнаго учителя нѣтъ въ сущности ни одного за-

веденія, которое онъ считалъ бы своимъ, съ которымъ были бы тѣсно связаны его духовные интересы. Пять-шесть часовъ въ недѣлю,—вотъ моменты соприкосновенія такого учителя съ заведеніемъ,—въ остальное же время оно для него не существуетъ. Живого интереса заведеніе въ своемъ цѣломъ для него по большей части не представляетъ.

Своихъ товарищей, преподавателей, онъ часто яснѣе представляетъ, какъ партнеровъ въ винтъ, чѣмъ какъ сотрудниковъ по школѣ, потому что чаще приходится съ ними встрѣчаться за зеленымъ столомъ, чѣмъ знакомиться съ ихъ педагогическими взглядами на конференціяхъ. Если эти конференціи и собираются, то вовсе не для того, чтобы педагоги могли сдѣлать между собою, сообразовать свое преподаваніе такъ, чтобы одинъ преподаватель помогалъ другому; чтобы установить нѣкоторое соглашеніе въ требованіяхъ, предъявляемыхъ учащимся¹⁾; чтобы общими силами правильно организовать жизнь заведенія, а преимущественно для того, чтобы выслушать новыя распоряженія или инструкціи, распредѣлить экзамены, или по расчету балловъ опредѣлить награды и рѣшить вопросъ о переводѣ учащихся изъ класса въ классъ и пр. Такимъ образомъ, и на конференціяхъ учителя почти не могутъ оказывать на строй, на жизнь заведенія никакого вліянія, не могутъ внести въ него ничего своего. Мудрено ли, что заведеніе остается для преподавателя въ сущности чужимъ, хотя бы онъ работалъ въ немъ лѣтъ 15 или 20? Учителя обыкновенно и не любятъ конференцій: интереса въ нихъ никакого, а времени тратится на нихъ много... Такимъ образомъ учитель по большей части безучастенъ и къ учащимся, безучастенъ и къ заведенію, которое вовсе и не требуетъ отъ него живого участія; давалъ бы аккуратно уроки да приготавлилъ бы учащихся лучше къ экзамену,—вотъ все, чего отъ него желаютъ.

Теперь обратимъ вниманіе на служебное положеніе учителя среднего учебнаго заведенія у насъ. По правдѣ сказать,

¹⁾ Иногда преподаватель даже съ гордостью заявляетъ, что ему нѣтъ дѣла до работы его товарищей, что онъ «гнетъ свою линію» и только, не заботясь о томъ, насколько отъ его чрезмѣрныхъ требованій страдаетъ, можетъ быть, общее дѣло.

чины не совсѣмъ-то идутъ къ такимъ профессіямъ, какъ профессорская или учительская.

Чинъ имѣеть значеніе тамъ, гдѣ имъ обусловливается занятіе извѣстной должности, какъ, наприм., въ военной службѣ, гдѣ, сообразно повышенію въ должностяхъ, повышается и чиновный титулъ. Въ ученой и учебной должности этого собственно нѣтъ: здѣсь образовательный цензъ и ученая степень даютъ право занять учительскую должность или каведру профессора. Здѣсь прогрессъ въ знаніи и талантъ опредѣляютъ значеніе и цѣну дѣятельности; они сами по себѣ цѣнятъ всякихъ чиновъ. На преподавательскую дѣятельность въ университетѣ или въ гимназіи слѣдуетъ смотрѣть, какъ на искусство, подобно тому, какъ на дѣятельность писателя, оратора, артиста, художника. Въ преподавателѣ, чтобы придать ему надлежащее значеніе, надо именно знаніе и талантъ цѣнить выше одной лишь точной исполнительности и аккуратности, свойствъ, достаточныхъ для исполненія обязанностей столоначальника или ротнаго командира, но не для учителя.

Если же почему-либо требуется приравнивать учителя къ чиновнику, то званіе учителя въ служебномъ отношеніи должно быть непремѣнно поднято и приравнено къ профессорскому.

Развѣ не можетъ случиться, что изъ нѣсколькихъ кончившихъ курсъ въ университетѣ молодыхъ людей болѣе даровитый, но не чувствующій особенной склонности къ кабинетной работѣ, пожелаетъ быть преподавателемъ въ среднемъ учебномъ заведеніи ¹⁾, а менѣе даровитый, но болѣе усидчивый и тщеславный, пожелаетъ во что бы то ни стало добиться ученыхъ степеней, а потомъ томить своихъ слушателей бездарными лекціями? Почему же даровитый преподаватель, несомнѣнно приносящій большую пользу сотнямъ подростковъ, въ служебномъ отношеніи долженъ стоять ниже профессора, томящаго своими бесполезными лекціями десятокъ обязательныхъ слушателей?

¹⁾ Извѣстно, что покойному автору статьи предлагали по окончаніи имъ курса остаться при университетѣ и сулили въ будущемъ каведру, но онъ предпочелъ болѣе скромное поприще учителя, къ которому всегда чувствовалъ призваніе

Надо признаться, что въ нашемъ отечествѣ учительскій трудъ не пользуется достаточнымъ уваженіемъ и въ обществѣ. Педагоги, которымъ приходилось вращаться не только въ высшемъ слоѣ, но и въ среднемъ кругѣ «людей со средствами», чиновниковъ съ хорошимъ содержаніемъ и пр., конечно, согласятся, что въ большинствѣ случаевъ отношеніе къ учителямъ, учительницамъ и воспитателямъ пренебрежительное. Въ высшемъ слоѣ, гдѣ обыкновенно господствуетъ утонченная деликатность, гдѣ и прислугѣ говорятъ «вы», пренебрежительное отношеніе къ учителямъ по большей части искусно прикрито изящными формами вѣжливости. Въ этой средѣ, конечно, встрѣчаются и такія высокопросвѣщенные лица, которыя понимаютъ цѣну хорошаго педагога. Но чѣмъ ниже будемъ мы спускаться по общественной лѣстницѣ, тѣмъ рѣже будутъ встрѣчаться истинно просвѣщенные люди (которыхъ у насъ и вообще то очень мало, а въ купеческой средѣ они совсѣмъ рѣдкое явленіе), тѣмъ рѣже и жестче будетъ сказываться пренебрежительное отношеніе къ учительской профессіи. Не мало содѣйствуетъ этому и то обстоятельство, что, какъ сказано выше, въ служебномъ отношеніи по классу должности въ правительственныхъ заведеніяхъ учитель поставленъ невысоко и долженъ, чтобы повыситься по службѣ, перейти на административныя должности инспектора или директора, т. е. оставить или значительно ограничить свою преподавательскую дѣятельность, къ которой онъ можетъ чувствовать призваніе, для административной, къ которой порою у него нѣтъ никакой склонности.

Общественное положеніе неразрывно связано съ матеріальнымъ. Что бы вы ни говорили о высокомъ значеніи наставницы вообще, но если вы платите наставницѣ вашего сына столько же, сколько вашей кухаркѣ, то позволительно не только усомниться въ искренности вашихъ словъ, но и въ томъ, чтобы эта наставница у васъ могла стать на должную высоту въ глазахъ окружающихъ.

Извѣстно, что матеріальное положеніе даже учителей средне-учебныхъ заведеній далеко незавидно, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ преподаватель здѣсь при полныхъ тридцати урокахъ въ состояніи заработать отъ 1800 до 2250 р., что для молодого и

одинокого учителя, можетъ быть, и очень хорошо; но для семейнаго человѣка этого мало, и съ такимъ содержаніемъ въ большомъ городѣ при теперешней дороговизнѣ не прожить. Это обстоятельство наноситъ очень существенный вредъ учительской профессіи. Нужда и желаніе жить не хуже товарищей, избравшихъ болѣе выгодныя занятія, чѣмъ педагогическія, побуждаютъ учителей искать частныхъ уроковъ. Случается, что нѣкоторые, и по болѣшей части даровитые преподаватели, увлекаясь наживой, набираютъ столько уроковъ, что цѣлые дни буквально рыщутъ изъ одного конца города въ другой, едва успѣвая мимоходомъ пообѣдать гдѣ-нибудь въ ресторанѣ. Изъ такихъ преподавателей и вырабатывается весьма распространенный въ большихъ городахъ типъ учителей-промышленниковъ. Они, не имѣя вовсе досуга, не могутъ, конечно, слѣдить за науками, составляющими ихъ учительскую специальность, не имѣютъ возможности обдумывать своихъ уроковъ, усовершенствовать приемы и обращаются чаще всего въ ремесленниковъ-педагоговъ.

Къ этому же разряду надо отнести многихъ составителей руководствъ. Имѣя въ виду матеріальную выгоду, а не разработку серьезныхъ учебниковъ новаго типа (для чего требуются и основательныя знанія и таланты), они обыкновенно спѣшатъ поскорѣе воспользоваться послѣднимъ циркуляромъ или учебнымъ планомъ, чтобы выкроить новый учебникъ изъ старыхъ въ духъ новыхъ требованій. Посмотрите, какое множество всевозможныхъ учебниковъ, особенно хрестоматій и задачниковъ, каждый годъ появляется на книжномъ рынкѣ; но, взглянувъ-шись въ нихъ пристальнѣе, вы будете поражены отсутствіемъ оригинальности и таланта въ нихъ; вы увидите, что это по болѣшей части работа спѣшная, перекройка стараго на новый фасонъ, перекраска въ новую краску,—и все это обиліе новыхъ учебниковъ и пособій, которое сначала могло показаться вамъ свидѣтельствомъ большой педагогической производительности, затѣмъ приведетъ васъ въ грустное раздумье о томъ, что почти весь этотъ книжный хламъ есть не болѣе, какъ продуктъ малой совѣстливости, смѣлой бездарности и алчности къ легкой наживѣ.

И все это есть прямое слѣдствіе ненормальнаго положенія педагогическаго дѣла и учителей.

Между тѣмъ матеріальное положеніе учителей можетъ быть улучшено даже безъ особенныхъ затратъ, хотя на это дѣло не слѣдуетъ бояться расходовъ.

Прежде всего всѣ начинающіе учителя могли бы прослужить года два или три въ званіи кандидатовъ на учительскую должность, причемъ имъ можно бы предоставлять извѣстное число уроковъ подъ руководствомъ опытныхъ преподавателей. Вознагражденія за эти уроки можно положить вдвое меньше, чѣмъ за урокъ штатнаго преподавателя. Достойные кандидаты поступаютъ черезъ три года въ штатные учителя ¹⁾).

Затѣмъ въ младшихъ и среднихъ классахъ однородные предметы, какъ русскій языкъ, словесность, исторія, а также географія и естествовѣдѣніе, могутъ быть соединяемы въ однѣхъ рукахъ, да и въ старшихъ классахъ такіе предметы, какъ исторія, словесность, математика и физика могутъ не только безъ ущерба, но съ большой пользой для дѣла соединяться въ однѣхъ рукахъ. Отъ этого выигрываетъ и самое преподаваніе, такъ какъ однородные предметы приводятся въ надлежащую связь между собою, выигрываетъ и заведеніе, болѣе привязывая къ себѣ учителя, выигрываетъ и послѣдній, сосредоточивъ

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ В. Д. предлагаетъ слѣдующій проектъ для улучшенія матеріальнаго положенія учителей:

«Необходимо, по нашему мнѣнію, раздѣлить учителей по времени службы и вознагражденія на разряды и рѣзче выразить прогрессивное увеличеніе содержанія учителей. Примѣрно слѣдовало бы установить слѣдующіе разряды: 1) *кандидатъ* на должность учителя (годъ или первые два года), 2) *учитель* (въ теченіе 15 лѣтъ), 3) *старшій учитель* (въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ), 4) *заслуженный старшій учитель* (если остается на службѣ послѣ 25 лѣтъ). *Кандидатъ* на должность учителя готовится къ ней въ теченіе года или двухъ и за исполненіе нѣкоторыхъ воспитательскихъ или надзирательскихъ обязанностей получаетъ при заведеніи комнату и содержаніе въ 600 рублей. *Учитель* при 20—24 урокахъ получаетъ поурочную плату по 60 руб. за годовую часть въ первые 5 лѣтъ, во второе пятилѣтіе—по 80, въ третье—по 100 р. *Старшій учитель* въ первое пятилѣтіе получаетъ по 120 рублей, во второе—по 150 рублей. По выслугѣ 25 лѣтъ *старшій учитель* получаетъ пенсію въ 1500 рублей, а учитель по выслугѣ пятнадцати лѣтъ 750».

вая свои силы въ одномъ заведеніи и больше осваиваясь съ учениками своими ¹⁾).

Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ на учителей возлагать воспитательскія обязанности, устранивъ вовсе воспитателей и гувернеровъ и давая за эти обязанности около тысячи рублей и квартиры при заведеніи.

Всѣ эти мѣры могутъ привести къ тому, что матеріальное положеніе учителей будетъ значительно поднято. Слѣдуетъ, чтобы размѣры его были доведены до того, чтобы учитель, прослужившій въ заведеніи лѣтъ 10—15, при готовой квартирѣ имѣлъ бы возможность получать всего за учительскія и воспитательскія обязанности тысячъ до трехъ ²⁾). При этихъ условіяхъ преподаватель могъ бы всецѣло принадлежать тому заведенію, гдѣ онъ служить.

Особенно важно позаботиться объ обезпеченіи преподавателей и послѣ службы,—о пенсіи: тѣ 750 рублей, которые теперь даются обыкновенно преподавателямъ, далеко недостаточны. Можно было бы установить болѣйшій вычетъ изъ жалованія для образованія эмеритуры, такъ чтобы учитель могъ рассчитывать на полученіе по выходѣ въ отставку около 1500 рублей въ годъ.

Увеличеніе вознагражденія вызывается прежде всего тѣмъ, что жизнь за послѣдніе годы стала чуть не вдвое дороже, чѣмъ прежде: все,—и съѣстные припасы, и одежда, и обувь, и прислуга поднялись въ цѣнѣ даже болѣе, чѣмъ вдвое. Притомъ вѣдь и плата за ученіе значительно повысилась, естественно повысить и вознагражденіе за трудъ преподавателей. Только при улучшеніи матеріальнаго положенія учителя можно рассчитывать, что способные люди не будутъ избѣгать учительской профессіи, такъ какъ тогда и общественное положеніе ихъ нѣсколько поднимется.

Было бы весьма полезно во всѣхъ округахъ при попечите-

¹⁾ Едва ли это было бы возможно въ настоящее время при громадныхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ хотя бы исторіей и исторіей словесности. Специализація стала необходимой.

Отъ ред.

²⁾ Заслуженными учителями, конечно, будутъ оставлены лишь особенно выдающіеся и талантливые,

ляхъ устроить совѣты изъ выдающихся, заслуженныхъ учителей, выслужившихъ пенсіи. Своимъ опытомъ и знаніемъ педагогическаго дѣла они, конечно, могли бы быть весьма полезны при обсужденіи различныхъ учебно-воспитательныхъ вопросовъ, которые обыкновенно рѣшаются теперь канцелярскимъ путемъ. Опытныхъ педагоговъ, членовъ упомянутыхъ совѣтовъ, можно было бы въ случаѣ надобности посылать и для ревизіи учебно-воспитательной стороны заведеній. Такіе ревизоры, сами бывшіе въ теченіе многихъ лѣтъ учителями или воспитателями, во-первыхъ, гораздо лучше могли бы оцѣнить ходъ обученія и воспитанія, чѣмъ чиновники по особымъ порученіямъ или окружные инспектора по большей части изъ молодыхъ людей, далеко еще не умудренныхъ опытомъ, а во-вторыхъ, ихъ ревизія, какъ лицъ пожилыхъ, компетентныхъ, прослужившихъ долгое время въ учительскомъ званіи, не вызывала бы того горькаго чувства обиды, какое невольно испытывается учителями, когда оцѣнивать ихъ труды являются люди сравнительно съ ними молодые и менѣе ихъ опытные. Наконецъ, должность членовъ педагогическаго совѣта при попечителѣ подняла бы нѣсколько въ служебномъ отношеніи званіе учителя. Въ настоящее время хорошій, талантливый учитель по службѣ, какъ уже замѣчено выше, стоитъ гораздо въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ товарищъ его по университету, избравшій себѣ канцелярскую дѣятельность и могущій дослужиться при меньшихъ способностяхъ, чѣмъ первый, до высшихъ степеней. Назначеніе учителей на должность инспектора или директора тутъ не можетъ идти въ расчетъ, потому что обѣ эти должности требуютъ административныхъ способностей, распорядительности, бдительности и проч., которыми можетъ и не обладать самый способный учитель. Талантливый преподаватель на своемъ мѣстѣ не менѣе дорогъ, чѣмъ расторопный инспекторъ, и потому отрывать человѣка отъ того дѣла, къ которому онъ чувствуетъ призваніе, и на которомъ онъ приноситъ громадную пользу, не основательно: напротивъ, надо его тутъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, въ качествѣ учителя, цѣнить и матеріально увеличивая постепенно ему вознагражденіе, и нравственно, отличая его почетными наградами, чтобы всѣмъ ясно было, что «не мѣсто красить че-

ловѣка, а человѣкъ—мѣсто», и что учительская служба цѣнится не меньше, чѣмъ канцелярская.

Есть еще недостатокъ въ нашей современной школѣ, притомъ недостатокъ громадной важности, который самымъ пагубнымъ образомъ отражается и на ученикахъ, и на всей жизни школы; недостатокъ этотъ—рознь школы съ обществомъ. Казенное учебное заведеніе, мужское и женское, нерѣдко является для родителей словно департаментомъ какимъ-то, а наставники—чиновниками, по отношенію къ которымъ родители лишь робкіе просители. И просьбы ихъ по большей части состоятъ въ томъ, чтобы пожалѣть ихъ дѣтей, пощадить, не оставлять ихъ на второй годъ за незнаніе какого-нибудь отдѣла грамматики или математики, изучить который можно въ три дня. И слышать просители въ отвѣтъ обыкновенно слова: «Ничего сдѣлать не могу!» — «Вѣдь я долженъ исполнять инструкцію». — «Таково распоряженіе начальства» и проч., и проч.

Рѣдко, очень рѣдко отъ родителей вы услышите одобрительные отзывы о преподавателяхъ, учащихся ихъ дѣтей въ казенномъ учебномъ заведеніи; за то часто увидите враждебное чувство къ нимъ. — «Бездушные чиновники, для которыхъ какіе-то пункты и параграфы какихъ-то инструкцій дороже живыхъ людей». Вотъ тѣ отзывы, которые приходится слышать порой отъ учителяхъ даже отъ образованныхъ людей.

Такое отношеніе родителей къ школѣ и ея представителямъ отражается на дѣтяхъ,—они вѣдь если и не слышатъ прямыхъ порицаній, то чуютъ то недоброе чувство къ школѣ, какое питаютъ къ ней родители. Во всякомъ случаѣ добраго слова о ней и учителяхъ въ семьѣ по большей части дѣти не слышатъ. А вѣдь родители должны быть вѣрными союзниками и сотрудниками школы.

Не поразительно ли въ самомъ дѣлѣ это? Какъ будто хлопчутъ о томъ, чтобы и открытая школа воспитывала въ учащихся то или другое чувство, надлежащее настроеніе, содѣйствовала выработкѣ правильныхъ убѣжденій и проч., и проч.; кажется, будто даже заботятся о томъ, чтобы установить надзоръ за учениками и внѣ школы, и въ то же время эта школа всячески сторонится отъ родителей. Какой могучей воспита-

тельной и образовательной силы при этомъ лишается она! Если бы родители относились съ полнымъ довѣріемъ къ наставникамъ, видѣли бы въ нихъ дѣйствительный интересъ къ судьбѣ своихъ дѣтей, какихъ только интересныхъ и важныхъ въ воспитательномъ отношеніи вещей ни узнали бы они отъ родителей! Имъ, родителямъ, слѣдящимъ за своими дѣтьми и знающимъ ихъ во сто кратъ больше, чѣмъ школа, извѣстно не только то, что выносятъ ихъ дѣти изъ школы, но и то, что творится въ ея стѣнахъ, извѣстно нерѣдко многое, что и не снилось десяткамъ ревизоровъ, чего не вѣдаютъ даже инспекторы и директоръ. Поговорить съ такими родителями по душѣ очень не мѣшало бы! Даже и тѣ родители, которые по своему уму и образованію прямыми помощниками школѣ быть не могутъ, все-таки принесутъ при должныхъ отношеніяхъ большую пользу: наставникъ ближе познакомится съ понятіями и взглядами отца или матери своего воспитанника, и многое, что въ немъ было непонятно и загадочно воспитателю, можетъ вдругъ озариться яркимъ свѣтомъ, и понялъ бы тутъ наставникъ и свое несправедливое отношеніе къ нему, и какое средство наиболѣе можетъ подѣйствовать на него; многое понялъ бы наставникъ, о чемъ раньше и въ голову ему не приходило... И кто знаетъ, быть можетъ, тутъ созналъ бы онъ все великое, святое значеніе своего дѣла и многое могъ бы сдѣлать, несмотря даже на сотни неблагоприятныхъ условій.

Да, чрезвычайно важна связь, самая тѣсная, органическая связь школы съ обществомъ, въ лицѣ родителей, отдающихъ ей своихъ дѣтей. Общество есть та естественная почва, которая питаетъ, даетъ жизнь ей... Безъ этой почвы школа подобна растенію, вырванному съ корнемъ изъ земли, и можетъ только чахнуть и сохнуть.

Кромѣ того, для учителей и учительницъ, которые признаны способными преподавать, необходима извѣстная доля свободы въ способахъ и приѣмахъ преподаванія. Надо ли повторять такіа общеизвѣстныя истины, что все живое, развивающееся, растущее требуетъ нѣкотораго простора, что отсутствіе свободы глушитъ дарованіе, которому нельзя проявиться, что, наконецъ, безъ нея не только нѣтъ роста и развитія, но даже и то живое,

что есть уже въ наличности у учителя, гложетъ и хирѣетъ. Безъ нѣкоторой свободы въ выборѣ и употребленіи тѣхъ или иныхъ пріемовъ, при непрерывномъ исполненіи лишь однихъ только предписаній и указаній мало-по-малу и создается почва, удобная, можетъ быть, для выработки аккуратныхъ и исполнительныхъ чиновниковъ, но никоимъ образомъ не педагоговъ, которымъ должно быть присуще въ извѣстной степени творчество.

Если нужна учителю извѣстная доля свободы въ его дѣятельности, то необходима и свободная критика ея; въ живомъ спорѣ, при обмѣнѣ мыслей, вырабатываются понятія и растутъ умъ. Этому въ высшей степени содѣйствуютъ педагогическія собранія и учительскіе съѣзды, почему въ интересахъ дѣла необходимо ихъ всѣми мѣрами поддерживать ¹⁾.

Слѣдуетъ замѣтить, что несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, и въ средѣ преподавателей казенной средней школы встрѣчаются, но, къ сожалѣнію, лишь какъ исключенія, живые и даровитые преподаватели, не поддающіеся рутинѣ и сердечно относящіеся къ своему дѣлу. Великимъ счастьемъ бываетъ для школы, если среди ея учительскаго персонала найдется два-три такихъ лица, даже хоть одно. Такому лицу обязаны бывають кончающіе курсъ тѣмъ, что не совсѣмъ гибнуть въ нихъ пытливость и жажда знанія.

Учительница.

Ея свойства и преимущества предъ учителемъ. Причины почему учительницы и учителя элементарныхъ школъ выше преподавателей среднеучебнаго заведенія.

Неблагопріятныя условія педагогическаго труда въ сельской школѣ. Выводы.

Теперь остановимся на явленіи болѣе отрадномъ въ педагогической средѣ, на учительницѣ,—сначала на учительницѣ средней общеобразовательной школы въ большомъ городѣ.

¹⁾ Такіе періодическіе съѣзды охотно бы устраивались учителями средней школы, но имъ это, къ сожалѣнію, не всегда разрѣшается.